

nakladatelství, 1986. – 474 s.

6. Kopecký F. Základy české skladby / F. Kopecký. – Praha : Státní pedagogické nakladatelství, 1958. – 335 s.

7. Pravidla českého pravopisu. – Praha : Academie, 1977. – 499 s.

8. Slovník shisovné češtiny pro školu a veřejnost. – Praha : Academie, 1987. – 799 s.

9. Slovník spisovného jazyka českého. – Praha : čSAV, 1958 – 1971.

10. Українська граматика. – К. : Наукова думка, 1986. – 360 с.

11. Чесько–український словник. – К. : Наукова думка, 1990.

СТРУКТУРНО-СИНТАКСИЧЕСКИЙ ПРОТОТИП МИНИМАЛЬНОГО СООБЩЕНИЯ В ГЕРМАНСКИХ ЯЗЫКАХ

МОРОЗОВА И. Б., ЧУМАКОВ А. Н.

Одесский национальный университет имени И. И. Мечникова

Существование непосредственной взаимосвязи между коммуникативной и когнитивной функциями языка не вызывает сомнения. Речевое общение может осуществляться только на базе определенных моделей кодирования информации, выработанных данным обществом на данном этапе его развития.

Очевидно, что формы мысли человека находят свое отображение в соответствующих формах предложения. Изучение предложения, его синтаксического и семантического строя не теряет своей актуальности и в настоящее время. По словам У. Фрэнсиса, “...каковыми ни были бы другие интересы современной лингвистики, ее душой и центром является интерес к структуре языка” [23, с. 29].

В теории парадигматического синтаксиса предложение рассматривается как единица сообщения, которая в речевой цепи выделяет некую обобщенную модель, типическую конструкцию. В этом аспекте, как указывает М. Я. Блох, “предложение выступает в качестве величины стандартной, структурно-типизированной, подлежащей анализу в терминах языковой модели, которая служит средством воплощения *речевого предложения*” [3, с. 24].

Предметом изучения настоящей работы является формальная организация предложения в английском и немецком языках, достаточная для передачи элементарного смысла.

Цель настоящей работы – определить структурно-смысловой прототип предикатного предложения в английском и немецком языках. Исследование проводилось методом квалификативно-квантитативного анализа на основе контрастивного изучения диалогического дискурса современного романа.

Предложение занимает пропозематический уровень в системе языка (от лат. *propositio* – суждение).

Предложение как таковое понимается как компонент связного текста, отображающий в виде языковых символов концептуальное восприятие человеком объективной действительности. Знание (информация о мире) передается от одного участника коммуникативного процесса к другому. При этом, элементарной коммуникативной единицей является простое предложение [11]. Таким образом, простое предложение есть простейшая синтаксическая

структура коммуникативного назначения, в основе которой лежит способность формирования и выражения сообщения.

Из указанного следует, что изучение прототипа предикативного предложения в английском и немецком языках представляется необходимым проводить именно на базе простого предложения.

Рассмотрим возможные корреляции структурного и семантического состава простого предложения.

Являясь моно-предикативной единицей, простое предложение реализует одну субъектно-предикатную линию, образующую конструктивное ядро предложения. Отсюда вытекает целесообразность рассмотрения предложения сквозь призму категориальной семантики *предикативности*. Репрезентация в предложении обязательных компонентов первичной структуры предикации обеспечивает структурный минимум самого предложения как такового. Обычно последний понимается как “базовый, обязательный для построения и самостоятельного функционирования предложения словесный состав. Этот состав часто называют “предикативным минимумом”, потому что именно и только он маркирован формальными показателями грамматической категории предикативности, без которого оно вообще не было бы предложением (коммуникативной единицей речи)” [14, с. 63]. В соответствии с таким подходом, в грамматике обычно выделяют двух- и трехчленную конструкции, основанные на репрезентации ими сочетания подлежащего с простым глагольным сказуемым или сказуемым, минимальный смысл которого может быть воспринят только в комбинации с каким-то последующим элементом.

О существовании особой трехкомпонентной синтаксической конструкции в русском языке писал еще И. И. Мещанинов [8, с. 17]. Дж. Несфилд признавал эту конструкцию самостоятельной в английском языке [24, с. 105]. Обоснование же самого термина “трехчленная конструкция” с анализом отличий ее от двухчленной приводится В. Г. Гаком, который убедительно доказывает необходимость разделения этих двух типов синтаксической организации предложения [5, с. 15]. В своей кандидатской диссертации А. Н. Гуреева, проводя сравнительное исследование русских и английских синтаксических структур, указывает на наличие в обоих языках простых синтаксических и морфолого-синтаксических трехкомпонентных структур, которые подразделяет на эллиптические и неэллиптические [7, с. 9].

Другим методом установления структурного и смыслового минимума, который используют некоторые германисты, является метод ориентации на грамматичность предложения [20, с. 26]. При этом из пределов структурного минимума исключаются все распространители, включая те, которые представляют необходимую для сохранения смысла коммуникативной единицы ценность. В результате такого элиминирования распространителей остается двухкомпонентная модель, включающая в себя главные члены предложения, т.е. подлежащее и сказуемое, состоящее только из глагола в личной форме, что “ведет к построению аграмматичных предложений типа “*Berlin liegt*” (вместо “*Berlin liegt an der Spree*”)” [там же].

Для определения структурного минимума предложения используется также теория валентности глагола [2; 17]. Синтаксическая валентность того или иного

слова здесь обычно определяется как набор, ряд имеющихся при данном слове его синтаксических распространителей или “позиций” [6, с. 48]. Количество структурных элементов в предложении, с точки зрения теории валентности, не ограничивается двумя или тремя, как в предыдущих случаях, а доходит до пяти. Так, в предложении – *She took his cramped photo with the trembling fingers (G. Green)* – глагол *take* с очевидностью образует тетравалентную структуру.

Такой подход, однако, во многих случаях не позволяет найти однозначного соответствия между смыслом и выделенными валентными структурами. Так, в том же предложении – *She took his cramped photo with the trembling fingers (G. Green)* – не подлежит сомнению, что его структурно-смысловый минимум ограничивается *She took his photo*.

Пентавалентные структуры, по нашим данным, вполне сводимы к трехкомпонентной синтаксической конструкции. Например: *In gläubiger Demut erwartet der junge Neger das Ende einer langen Nacht in der alten Methodisten Kirche von Montgomery (Alabama). (G. Prodöhl) → der Neger erwartet das Ende*.

На наш взгляд, данная проблема объясняется тем, что “язык представляет систему, ограниченную по сравнению с бесконечным разнообразием реальной действительности” [15, с. 156].

Таким образом, валентность личного глагола-сказуемого не является прямым отражением структурно-смыслового минимума предложения.

В лингвистике существует точка зрения, согласно которой обязательным для любого синтаксического построения является критерий смысловой полноты. За “элементарную схему” принимается такой отвлеченный образец предложения, который бы с необходимостью обладал не только грамматичностью, но и смысловой завершенностью [1, с. 111; 21, с. 39; 4, с. 17–21].

О смысловой завершенности предложения нельзя говорить, к примеру, в следующих речевых образцах:

- 1) **I see; *Uwe stopfte;*
- 2) **Who are; *Wir wollen.*

Только добавление постглагольного компонента или комплемента делает данные высказывания семантически и синтаксически завершенными:

- 1) **I see → I see you (M. Andersen);*
**Uwe stopfte → Uwe stopfte die Pfeife (H. Raffer).*
- 2) **Who are → Who are they? (C. Brown);*
**Wir wollen → Wir wollen schlafen. (A. Dunne).*

В своем исследовании мы опираемся на понимание минимума предложения как структурно-смыслового единства, не сводимого к вычленению только определенных формальных компонентов. При таком подходе синтаксические построения, подобные ответной реплике в приведенном ниже диалогическом единстве, понимаются нами как неполные, или эллиптические: – *Well, Burke, you know the rule, eh? – I know (M. Kendrick)*.

Очевидно, что *I know* не передает элементарного законченного смысла и, следовательно, структурно-смысловым минимумом не обладает. Сравним с аналогичными конструкциями в немецком языке: – *Kann man das Gerät benutzen? – Natürlich man kann (J. Reiss)*.

Без иницирующей реплики ответная реакция механика коммуникативно

ессмысленна.

При этом, разумеется, предложения типа *Mutti lachelte*. (*H. Kliese*) или *I'm not a crier. But women cry* (*Ch. Armstrong*) также вполне синтаксически завершены и обладают достаточным минимальным смыслом.

“... Модель нераспространенного предложения объективно задается именно элементарным предложением, поскольку нереализованная обязательная валентность глагола приводит к позиционному зиянию” [3, с. 102]. Исследуемое сказуемое, однако, представляет собой также синтаксическую структуру, часто называемую структурой комплементации. Второй член данной структуры называют иногда комплементом или предикативом. М. Я. Блох называет восполняющий смысл глагола конституэнт предложения “комплементатор” [там же].

Коммуникативное сообщение представляет собой закодированную в знаках информацию, причем “условный код” и способ кодирования должен быть известен как адресату, так и адресанту, а также согласован между ними. Восприятие чужой речи есть распознавание и декодирование информации, закодированной в знаках. В процессе диалогизации взаимодействие собеседников проходит не только на социально-психологическом уровне, но и на логико-конвенциональном, что служит основанием иногда приравнивать элементарное сообщение к элементарному суждению [10, с. 94]. Отсюда, наиболее часто сохраняемая в дискурсе диалога синтаксическая модель предназначена для передачи новой и/или самой значимой для собеседников информации, необходимой для восполнения информационных лакун участников диалога. Структурирование и формализация этой наиболее значимой информации и определяет синтаксис ответной реплики. Таким образом, такая структурная модель служит смыслообразующим звеном в вербальном информационном пространстве и главным элементом для построения последнего. Приведенные выше соображения убедительно свидетельствуют о том, что структурный минимум предложения так или иначе может быть сведен либо к двухчленной, либо к трехчленной модели. Употребление же этих двух типов выражения предикации в частотном отношении неодинаково.

По данным нашего исследования, в английском и немецком художественном диалоге наиболее частотными конструкциями с присущим минимальным смыслом являются трехкомпонентные конструкции, которые употребляются соответственно в 88,3% и в 76,5% всех случаев употребления. (Материал исследования 5000 простых предикатных конструкций).

При общем превалировании трехчленной синтаксической конструкции, некоторое расхождение в частотности ее употребления в сравниваемых языках объясняется, по нашему мнению, следующим.

Как известно, неотъемлемой составляющей английского языка являются фразовые глаголы. Исследователи отмечают, что в силу ярко выраженного аналитического строя практически каждый второй глагол может принять пост-глагольный компонент [18, с. 254; 19, с. 122]. Например, глагол *to turn* – *поворачивать*, сочетаясь с различными пост-глагольными компонентами, кардинально меняет смысл: *turn over* – *переворачиваться*, *turn in* – *заснуть*,

turn away – повернуть обратно, выгнать, автоматически превращая конструкцию в трехчленную. Известный исследователь английского языка О. Фишер указывает, что понятие комплементации характерно уже для среднеанглийского исторического периода, где легко прослеживаются многие современные виды глагольных комплементов [22, с. 44–45].

В немецком языке отделяемые приставки представляют собой формальную операцию, не изменяя общего смысла глагола. Например: – *Aufstehen!* – *schrie mein Vater. Ich stand auf* (H. Kliese).

Очевидно, что в этом случае говорить о приставке как об адвербиальном комплементе не представляется возможным. Вместе с тем, необходимо еще раз подчеркнуть, что и в немецком языке трехчленная синтаксическая организация предложения является доминирующей.

В процессе сравнительного анализа было установлено, что в обоих исследуемых языках в случае эллиптирования трехкомпонентной синтаксической конструкции комплемент сохраняется примерно в 66% высказываний. Например,

а) – *Was wollte denn der Kerl so lange bei dir?* – *Geld. Nur Geld, mein Schatz,* (G. Prodöhl)

Очевидно, что в эллиптических построениях *Geld. Nur Geld* представленный член структуры предикации является объектным комплементом [11, с. 167].

б) – *Tell me, who was it?* – *Bob shook the wounded man.* – *Morgan, he whispered* (W. C. Tuttle)

И в данном примере эллиптическое предложение представлено комплементом, только субъектным, который легко позволяет воссоздать построение до полного “трехчлена”.

Компрессия языковых средств в речи объясняется необходимостью высокой скорости передачи информации и ее быстрого декодирования. Соответственно, можно предположить, что реализуемый во “внутренне-речевой программе” замысел [12, с. 40] автора отражается в воспроизводимых им моделях. Иными словами, сохранившийся при эллиптировании элемент высказывания является максимально значимым для речевого воздействия [там же]. Во время мыслительных операций по обработке определенной информации и репрезентации ее в языковых моделях происходит активация определенных синтаксических конститuentов предложения, “гасятся” другие нерелевантные конститuentы. Мы объясняем этот факт тем, что в процессе речевого взаимодействия на стимулы определенного порядка коммуникантом дается моментальная и однозначная вербальная реакция, формально выражающаяся синтаксической сверсткой.

С другой стороны, высокая частотность употребления эллиптических предложений, репрезентирующих собой комплемент, показывает, что именно комплемент в английском и немецком языках несет в себе информацию, интересующую собеседника, и, следовательно, является структурно-семантически и когнитивно наиболее значимым элементом высказывания. Именно в силу своей значимости эта информация обособляется говорящим в отдельное, самостоятельное эллиптическое предложение. Эллиптированное предложение есть его синтаксическая сверстка до информационного элемента,

затребованного собеседником и/или необходимого для продолжения коммуникации. Эллиптированные же конституэнты мысленно восполняются коммуникантами из контекста [9, с. 35]. Тот факт, что именно комплемент в подавляющем большинстве случаев остается после эллипсиса свидетельствует об особой роли трехчлена в ментальном восприятии окружающего мира человеком.

Проведенное исследование показало доминирующую роль трехкомпонентной конструкции предложения “субъект – предикат – комплемент” для вербальной передачи элементарного сообщения. В основе языковой способности отображать объективную, окружающую человека действительность лежит представление образов и формирование между ними связей на уровне мыслительной деятельности. Отметим, что основными компонентами внутренней речи А. А. Леонтьев считал субъект, предикат и объект [13, с. 14]. Следовательно, выявленная закономерность является материальным подтверждением того, что в когнитивной модели “мысль-сообщение” мыслительные процессы иконически отражаются в языковых структурах.

Идентификация типа простого предикатного предложения в английском и немецком языках через его прототип позволяет заключить, что таковым является его трехкомпонентная структура. “Будучи средством выражения мыслей людей в процессе их общения, речь становится основным механизмом их мышления” [25, с. 360]. Трехкомпонентность речевой структурной формулы мысли И. М. Сеченов вполне обоснованно выводит из того, что предметная мысль отображает не просто изолированные объекты, а предметные отношения. Отношения же по самой своей природе минимум двухкомпонентны [16, с. 274]. Раскрытие отношений, в свою очередь, требует сопоставления этих двух компонентов, или соотносящихся объектов. Тем самым, в структурной формуле речевой оболочки мысли должны быть представлены эквиваленты не только самих соотносящихся объектов, но и эквивалент акта их соотнесения. Таким образом, структурный “трехчлен” простого предложения – максимально соответствует психологическим основам порождения речи в целом и является главным элементом работы сознания человека.

ЛИТЕРАТУРА

1. Адмони В. Г. Введение в синтаксис современного немецкого языка / Владимир Григорьевич Адмони. – М. : Изд-во лит. на иностр. яз., 1955. – 392 с.
2. Адмони В. Г. Основы теории грамматики / Владимир Григорьевич Адмони. – М. : Едиториал УРСС, 2004. – 104 с.
3. Блох М. Я. Теоретические основы грамматики / Марк Яковлевич Блох. – М. : Высшая школа, 2000. – 159 с.
4. Гаврилов А. Н. О типологических характеристиках монолога / А. Н. Гаврилов // Типология лингвистических категорий. – Томск, 1987. – С. 92–98.
5. Гак В. Г. Теоретическая грамматика французского языка. Синтаксис / Владимир Григорьевич Гак. – М. : Высшая школа, 1981. – 207 с.
6. Гисмуратов А. Т. Вступ до філософської логіки / А. Т. Гисмуратов. – К. : Абрис, 1997. – 350 с.
7. Гурева А. М. Вариативные модели терминологии международного бакалавриата на

- материале английского и русского языков) : автореф. дис. ... канд. филол. наук : спец. 10.02.19 “Теория языка” / А. М. Гуреева. – Пермь, 2010. – 19 с.
8. Мещанинов И. И. Структура предложения / Иван Иванович Мещанинов – М. : АН СССР, 1963. – 103 с.
9. Морозова И. Б. Эллиптические предложения в диалоге (на материале английского языка) / И. Б. Морозова // Мовознавство. – К. : Наукова думка, 1988. – № 4. – С. 32–37.
10. Морозова И. Б. Методологические аспекты сопоставления терминов и понятий “простое предложение” и “элементарное суждение” (на базе английского языка) / И. Б. Морозова // Записки з романо-германської філології. – Одеса : Латсар, 2006. – Вип. 18. – С. 92–99.
11. Морозова И. Б. Парадигматичний аналіз структури і семантики елементарних комунікативних одиниць у світлі гештальт-теорії в сучасній англійській мові : [монографія] / Ірина Борисівна Морозова. – Одеса : Друкарський дім, 2009. – 384 с.
12. Кубрякова Е. С. Эволюция лингвистических идей во второй половине XX века (опыт парадигмального анализа) / Е. С. Кубрякова // Язык и наука конца XX века / Под ред. Ю. С. Степанова. – М. : Ин-т языкознания РАН, 1995. – С. 144–238.
13. Леонтьев А. А. Психолингвистические единицы и порождение речевого высказывания / Алексей Алексеевич Леонтьев. – М. : КомКнига, 2007. – 312 с.
14. Одинцова М. П. Главные члены и минимальная структурная схема: сопоставление двух подходов к описанию обязательного словесного состава простого предложения / М. П. Одинцова // Вестник Омского государственного университета. – Омск : Омский государственный университет, 1996. – Вып. 1. – С. 63–66.
15. Селиверстова О. Н. Компонентный анализ многозначных слов / Ольга Николаевна Селиверстова. – М. : Наука, 1975. – 240 с.
16. Сеченов И. Избранные философские и психологические произведения / Иван Сеченов. – М., 1947. – 364 с.
17. Холл К. С. Теория личности / К. С. Холл, Г. Линдсей. – М. : Психотерапия, 2008. – 656 с.
18. Collins Cobuild English Grammar. Грамматика английского языка / Под общей научн. ред. доктора филол. наук, проф. М. Я. Блоха. – М. : Астрель:АСТ, 2006. – 703 с.
19. Cowie A. Getting to Grips with Phrasal Verbs / A. Cowie // English Today. – Cambridge : Cambridge University Press, 1993. – V. 9. – Issue 4. – P. 38–41.
20. Duden : in 12 б. / С. Fabricius-Hansen, P. Gallmann, P. Eisenberg, R. Fiehler, J. Peters. – Mannheim : Bibliographisches Institut, 2009. – В. 4 : Die Grammatik : Unentbehrlich für richtiges Deutsch. – 2009. – 1343 с.
21. Falkowska M. Wzory listow angielskich / M. Falkowska, R. Majewski, B. Pawlowska. – Warszawa, 1978. – 262 s.
22. Fisher C. Structural Limits on Verb Mapping : the Role of Analogy in Children’s Interpretations of Sentences / C. Fisher // Cognitive Psychology. – N. Y., 1996. – V. 31. – № 1. – P. 41–81.
23. Francis W. N. The Structure of American English / W. N. Francis – N. Y. : Marshall College. Ronald Press, 1958. – 614 p.
24. Nesfield J. English Grammar, Past and Present. With Appendices on Prosody, Synonyms, and Other Outlying Subjects / J. Nesfield – N. Y. : BiblioBazaar, 2009. – 482 p.
25. Большой психологический словарь / Под ред. Б. Г. Мещерякова, В. П. Зинченко. – М. : АСТ Москва, 2009. – 816 с.